

Сергей Котов

МАГИЯ ВОДЫ

Annotation

В нашем мире она – топ-менеджер крупной горнодобывающей компании. В своей родной стране она – королева. И сильный маг стихии воды по совместительству. Перед ней три задачи: Найти давно потерянного сына. Вернуть королевство. Наказать предателей. Справится ли она, добровольно отдав память и полагаясь только на сердце?

Сергей Котов

Магия воды

Тот день, вопреки всем ожиданиям, не остался в памяти. Он просто затерялся в бездне времени, среди странных снов и мимолетных видений. Ей только что исполнилось пять. Во дворце отшумели-отыграли шуты; разъехались гости, она разобрала принесенные дары в своем покое. Как обычно – множество кукол и пупсов. Ни одной книжки, словно младшая принцесса была рождена только для развлечений.

Вечером она будто услышала зов, и откликнулась на него. Это вышло совершенно естественно – точно так же ее звали няньки обедать, когда она заигрывалась в саду. Уже стемнело; сентябрьская ночь вышла влажной и по-летнему теплой. Немного пахло отгремевшей вдалеке грозой. Она шла по лунной дорожке среди темных стволов деревьев, а листья нашептывали ей древние тайны на забытых языках. Няньки проспали, охранники, как на грех – отвернулись. Сторожевые элементали были взбудоражены полной луной, и не сдержали цепь.

В лесу было как-то по-домашнему уютно. Мерцали светляки и блуждающие огоньки, как на болотах. Она почему-то захотела поговорить с одним из них, самым ярким, переливчатым, похожим на кусочек радуги с весеннего неба.

Деревья становились все выше, и медленно закрыли и звезды, и луну. Она вышла на берег лесного озера. Странно, но на островах посреди безбрежного океана, где лежала Империя, принадлежащая ее родителям, озер было совсем мало. Только в кратерах вулканов встречались пугающие кислотные водоемы. А тут – лес, и настоящее озеро: настолько большое, что противоположный берег едва виднеется. Как будто она вовсе и не в Островной Империи, а где-нибудь в Озерном Королевстве, далеко на севере.

По глади озера, как по звездному небу, к берегу подплыла пустая лодка, и деликатно ткнулась носом в дерн. Принцесса Анна улыбнулась, и ступила на шаткую палубу. Лодка тут же отчалила, развернулась, и ходко пошла вперед, оставляя стеклянистый кильватерный след, искрящийся зелеными сполохами водорослей, совсем как на море.

Переход был недолгим; Луна не успела сдвинуться даже на сантиметр. И вот перед ней – крутая скала, уходящая куда-то вверх, на головокружительную высоту. В сером камне щербятся древние стертые ступени. Лодка с легким стуком ткнулась в небольшую гранитную площадку у подножия лестницы. Анна спустилась на берег, и, весело улыбаясь, припустила вверх. В этом возрасте усталости совсем не чувствуешь – особенно когда впереди настоящая тайна.

И все-таки, добравшись до верха, она порядком запыхалась. Но оно того стоило: ее глазам предстала хрустальная ротонда, которая в свете звезд и Луны выглядела порталом во многие иные измерения. А, возможно, она и была им. В центре ротонды, на хрустальном троне сидела пожилая женщина. Ее лицо было покрыто сетью морщин, которые не мог скрыть даже полуночный сумрак. Но глаза блестели живым умом и холодной, молодой решимостью. Женщина была одета в истлевшее платье всех цветов радуги. Традиционный свадебный наряд в Островной Империи.

– Приветствую тебя, королева Анна, – голос пожилой женщины в свадебном платье звучал как журчание весеннего ручейка, – стихия воды – твоя стихия. Ты – следующий Великий Магистр.

– Я принцесса, – улыбнулась Анна, – к тому же, младшая. Так что королевой вряд ли

стану, – она подошла к женщине ближе, и спросила с детской непосредственностью, – а вы кто? И почему на вас свадебное платье? Вы выходите замуж?

Женщина рассмеялась.

– Я – Великий магистр стихии воды. Но мое время уходит, и я нашла преемника. Подойди ближе, у меня для тебя есть подарок.

По какой-то причине Анна совершенно не боялась. Она подошла вплотную к старой женщине. От нее пахло морем: просоленными досками, водорослями и рыбой. И совсем немного – лежалой материей, древними шелками, совсем как в хранилище боевых стягов в замке ее отца.

– Возьми этот перстень, – женщина протянула Анне кольцо со скромным голубым камнем, – и никогда не снимай его. Помни: его видишь только ты. Никто другой не в состоянии разглядеть его на твоей руке. Это – знак твоего достоинства как Великого Магистра. Придет время – и он раскроет тебе все свои тайны. Береги его, как свою жизнь – ведь он способен приносить магию Воды туда, где ее отродясь не было. Перстень спасет тебе жизнь даже в Костных Мирах.

Анна протянула ладонь, и кольцо упало ей на руку. Странно – но оно оказалось совсем маленьким, как раз под ее детский пальчик. Она надела подарок, и с улыбкой посмотрела на женщину. С той происходило что-то странное: она начала стремительно молодеть. Минута – другая, и перед ней сидела молодая, ослепительно красивая девушка в новеньком подвенечном платье.

– А почему вы в таком платье? – Повторила вопрос Анна, – вы идете на свадьбу?

– Это знак давнего предательства, – грустно улыбнулась красавица, – весь мой путь как магистра оказался очень грустным из-за этого; засухи, ураганы цунами... я не смогла хорошо сдерживать свою стихию, хотя и старалась, как могла. Потому что у меня было раненое сердце.

– Это очень грустно, – пробормотала Анна, опустив уголки губ, – но что же теперь делать мне?

– Иди своим путем, юная королева, – голос красавицы начал слабеть; Анна с удивлением обнаружила, что ее фигура теряет плотность, медленно растворяясь в лунном свете, а голос превращается в шепот, – будь сильнее любого предательства. Береги свое сердце. В нужный момент, когда надежды почти не будет – ты вспомнишь обо мне. С этого начнется твой путь как Великого Магистра стихии воды. Ты должна стать сильнее меня.

– Ладно, – кивнула Анна, примеряя колечко на безымянный палец, – спасибо, колечко очень красивое.

Красавица улыбнулась в последний раз, и растворилась в ночном воздухе.

– Мне теперь обратно идти? – Растерянно спросила Анна. Вдруг подул холодный ветерок, и на вершине скалы стало неуютно, – ладно, пойду тогда. Спасибо еще раз, добрая волшебница!

В тот вечер Анна вернулась в замок, и до утра спокойно проспала на своей постели. Постепенно она забыла, что носит незаметное колечко на одном из пальцев. Оно словно бы слилось с ней, стало ее частью. Та памятная ночь после дня рождения тоже затерлась в памяти. И только когда ей было восемь, гувернантка, преподававшая ей основы магии, заметила в Анне задатки стихийного мага воды. О чем немедленно доложила ее отцу. Тот, конечно же, немедленно засекретил эту информацию, а девочку стали учить, как правильно скрывать свои магические наклонности. Потому что магическая академия, по мнению ее

родителей – не место для юных принцесс. Принцессы должны удачно выходить замуж, и рожать наследников. И наслаждаться жизнью при этом. Очень много лет, пока выросла, Анна была совершенно согласна с родителями.

Глава 1. Предчувствие

Больше всего на свете Анна не любила ложь, и чувствовала ее за версту. Презентация, которую она только что получила на почту, буквально сочилась ложью. Она даже растерянно потерла полированную поверхность стола под монитором рабочего «Мака» – не накопало ли? Ложь приводила ее в ярость. Вот только ярость эта проявлялась совсем не так, как у большинства людей. Она никогда не орала, не срывалась на подчиненных, и вообще – не повышала голос даже на самых тяжелых собраниях. В ярости, она тихо улыбалась своим мыслям и планам, представляя, как именно раскатает лжецов в блин.

Она нажала кнопку интеркома.

– Анна Александровна? – Саша, ее пи—эй, личный помощник, ответил сразу.

– Саша, свяжись, пожалуйста, с секретарями фиников и стратегов. Нужно передвинуть конф—совещание на полчаса. И перешли всем участникам обновленный отчет «Прайсов». Я сбросила тебе на ящик.

– Будет сделано! – Саша, как верный оруженосец, был особенно исполнителен в такие минуты. Более умный, чем обычно бывают даже самые дорогие пи—эй, он, тем не менее явно наслаждался своей ролью. Бывают такие люди, чье предназначение – служить. Их мало, их надо особенно ценить.

Она в тайне от всех заказала повторный аудит, который выявил минимум трехкратное завышение запасов на месторождении, лицензию на которое они приобрели два года назад. Финансисты готовились к повторному размещению акций и пытались натянуть сову на глобус в расчете на очень щедрые бонусы. Конечно, рано или поздно обман бы вскрылся, последовали бы увольнения, и потеря репутации на рынке. Но, по ее расчетам в случае успеха размер бонусов был бы таким, что топам финансового департамента можно было бы обойтись без работы до конца жизни. «Надо будет переговорить с кадрами, – Анна сделала мысленную пометку, – я слишком доверилась им в вопросе мотивации персонала». План финансистов имел все шансы на успешную реализацию: она была слишком увлечена судебным процессом в Высоком суде Лондона. Миноритарии наняли одну из лучших юридических фирм Туманного Альбиона, и сражаться с ними было очень увлекательно. Но из-за ковидной заразы все биржевые планы пришлось отложить минимум на год. Теперь на них давили условия лицензионных соглашений: нужно было начинать добычу и запускать горно—обогатительный комбинат, но с производством что-то не заладилось. Финалисты обвиняли подрядчиков и геологов. Акционер был склонен им доверять. Эта задержка и бесконечная переписка с руганью и угрозами между финансовым департаментом и производственниками привлекли ее внимание. И Анна почувала ложь.

Менее опытный управленец, получив на руки безусловные доказательства нечистоплотности, мог вывалить их на акционера прямо во время ближайшего совещания, наслаждаясь победой и смятением оппонентов. Но она поступила гораздо мудрее. Дала полчаса на ознакомление топам финдепа. Мысленно она улыбалась, представляя себе, как они бегают сейчас у себя, в загородных домах, хватаясь за трубки, пытаясь устроить внутренний конференц—звонок, чтобы разработать хоть какую-то стратегию реагирования. Все департаменты, кроме производства и юридического, продолжали сидеть на удаленке, и это давало ей преимущество.

Раздался звонок, которого она ждала. Она подняла трубку, не выводя разговор на

громкую связь.

– Аня, что за ерунду ты сейчас выслала? – Звонил Акционер; он находился совсем рядом, в своем офисе. Переболев ковидом еще в апреле, после возвращения из Англии, он регулярно проверял статус своего иммунитета, и не особо боялся заразиться повторно. При этом он очень ценил сотрудников, которые вынуждены отказаться от удаленки, – зайти, пожалуйста, обсудим!

Людмила, помощник шефа, приветливо ей улыбнулась, и кивнула на полуоткрытую дверь кабинета. Анна улыбнулась в ответ.

Кабинет был оборудован еще в те давние времена, когда шеф увлекался минимализмом. Там не было ничего, кроме прозрачного стола на стальных полированных ножках, стульев из прозрачного пластика, да пары бетонных книжных полок, которые сливались с серыми стенами. Предпочтения шефа успели измениться: в новом лондонском офисе у него был классический кабинет, однако по каким-то причинам здесь, в Москве, все оставалось по-прежнему.

– Привет, – шеф поднялся из-за стола, и протянул было ей руку для пожатия, но потом стушевался, и опустил ладонь, – старые привычки, – пробормотал он, – как нас эта зараза перевоспитывает, а? Ну, рассказывай, как мы докатились до такой жизни.

– Искушение, шеф, – она ответила, занимая место на другом конце стола, – мы допустили ошибку, создали уровень искушения, который оказался слишком большим.

– Блин. Ну взрослые люди же все! Ежику ясно, что на таких позициях искушения будут! И что теперь? Чуть больше ответственности – и все?

– Выходит так, шеф, – согласилась Анна.

– Но вот ты, например, – шеф буравил ее взглядом льдистых серых глаз, – на тебя доносили уже раз десять. И каждый раз в результате страдали доносчики. Что это значит, а?

– Что, шеф? – Она попыталась изобразить искреннюю заинтересованность, но не смогла (да и не захотела) сдержать озорную улыбку.

– Это значит, что ты или дофига умная, или реально никогда не пыталась меня кинуть. А, может, и то и другое сразу.

– Спасибо, шеф.

– Ладно, – он махнул ладонью, – считай, похвалил. Давай теперь думать, что делать будем. Увольнять этих гавриков?

– Не получится пока, шеф, – Анна вздохнула, – акции просядут, а нам сейчас это вообще не надо – готовим залог под новый кредит.

– И что мне теперь, терпеть, улыбаться, и глядеть им в глаза на каждом совещании? Зная, как они меня кинуть пытались?

– Лишаем годового бонуса, и заставляем рвать задницу над новым планом. Пускай отрабатывают в надежде на прощение, почти бесплатно, – Анна хищно улыбнулась, – а после годового собрания, следующей весной, выкидываем на помойку. Как раз за это время кого-нибудь достойного присмотрим.

Шеф прищурился, почесал бритую голову, потрогал густую бороду.

– Страшный вы человек, Анна Александровна, – наконец, сказал он, глядя ей в глаза и улыбаясь.

– А я не человек, – пожал плечами Анна, – я – акула. Потому меня и держите в своем аквариуме.

Шеф рассмеялся.

– Верно, верно, – сказал он, и добавил, – ну что, время? Успеешь дойти до кабинета до начала совещания?

– Без проблем, шеф, – она поднялась, кивнула, и вышла из кабинета, гордо подняв голову.

На совещании ей говорить почти не пришлось. Шеф бушевал. С неприкрытой радостью он изливал всю накопившуюся за время болезни и карантина ярость. Удивительно, но за полчаса финансисты даже умудрились построить что-то вроде линии защиты. Ссылались на старые геологические данные, еще советских времен, полученные от государства в нагрузку к лицензии. Шеф построил разговор так, чтобы у горе—мошенников сложилось полное впечатление, что эта их защита сработала, и только поэтому они остаются в компании, заслуживать прощение. Без годовых бонусов, разумеется.

Перед тем, как отрубить видеосвязь, она мило улыбнулась коллегам, и мельком взглянула на каждого. Финдир: уверен в себе, улыбается. Сидит где-то возле своего дома (на веранде?) на заднем плане носятся дети. Наверно думает, что сумел вывернуться из хитрой ловушки. Его зам: у себя в кабинете. Серьезен. Улыбки нет и следа. Хмурится, и смотрит на нее. Что-то чувствует? Анне всегда казалось, что зам умнее начальника, и скрывает свои истинные способности. Надо присмотреться внимательнее. На стене его кабинета – большой семейный портрет, зам, его жена, и двое детишек. Глава департамента: сидит где-то в потемках, что за помещение – не разобрать. Выражение лица – тоже. Похоже, одета в домашний халат. Но на заднем плане тоже шум, характерный для дома, полного жильцов: смех, детские крики...

Анна вышла из конференции, и вздохнула. Осмотрела свой рабочий кабинет. Добротная дорогая мебель светлых тонов, огромный книжный шкаф (и все книги она действительно прочитала!), стеллаж с подарками от коллег и друзей: тут и странные скульптуры, и квадрокоптеры, и таинственные маски, привезенные кем-то из Африки. Стена с ее дипломами и сертификатами (тут было чем гордиться). Пара картин на стенах. Современные художники. Работы она подбирала сама, когда увлекалась искусством. На одной – просто цветные пятна и мазки. Они вызывали у нее какие-то глубокие ассоциации: глядя на них, ей чудился запах моря, солнечное утро на отдаленных островах, много теплой воды. На другой – средневековый замок на скале, на фоне грозового неба. Среди полыхающих молний – стремительный силуэт дракона. А на вершине самой высокой башни – едва различимая женская фигурка в белом. Коллеги, которые хоть малость разбирались в искусстве, бывали удивлены и озадачены таким сочетанием: серьезная работа и пошлая коммерческая картинка.

«Неужели это и есть я? – Подумала Анна, словно посмотрев на себя со стороны, – пошлые знаки внимания, да непроявленные мечты...»

Она боялась признаться самой себе, что вид чужих счастливых семейств действовал на нее все более тягостно. Анна не хотела становиться желчным мизантропом, и где-то в глубине души все еще наивно верила в то, что у нее еще есть шанс на нормальную семью и настоящие чувства. Но, конечно, ее острый ум не давал этой вере сколько-нибудь шансов.

Для нее не было проблемой завести семью «для галочки». На пути даже попадались два—три подходящих кандидата. Наверно, она бы даже смогла родить детей, и при этом не потерять своего положения в корпорации. Но каждый раз что-то ее останавливало, какая-то подсердечная роковая тоска. Словно она давно и безнадежно искала что-то давно потерянное, но бесконечно ценное.

«А, плевать! – Подумала она, силой возвращая себя в обычное приподнятое

настроение, – я – победитель! Это сейчас главное! Поехали—ка прокатимся!»

– Саша, Виталик на месте? – Она нажала кнопку на интеркоме.

– Да, Анна Александровна, в гараже, ожидает вас, – мгновенно ответил Саша, – я позволил себе предположить, что после совещания вам захочется прокатиться.

«Хороший мальчик!» – Улыбнувшись, подумала она про себя, но вслух сказала:

– Отлично. Я выхожу.

Анна собрала сумочку, еще раз оглядела свой рабочий кабинет. «О чем тоскую? – Подумала она, – крутое же место! И картины крутые! И вообще, я – молодец!» На выходе она кивнула Саше, который вежливо поднялся в своей выгородке. Он улыбнулся в ответ. Кажется, вполне искренне. «Хороший парень. Пробудет со мной следующие пару лет – продвину на управленца, – подумала она».

Виталик, ее водитель, обладал другим бесценным достоинством. Он был молчалив. Увидев, как начальница вышла из лифта, он подошел к авто, и открыл пассажирскую дверь.

Анна нырнула в комфортабельное нутро корпоративной машины. В груди росло странное чувство: как будто вот-вот должно случиться нечто волшебное. Она знала, что это чувство обманчиво, это ощущение скорого чуда приходило к ней не так уж редко, но каждый раз ничего экстраординарного не происходило. Но ей все равно нравилось это настроение. Будучи в нем, она принимала самые лучшие управленческие решения, придумывала, как структурировать самые сложные сделки, или решить какую-то серьезную проблему на пути нового проекта, за которым акционер наблюдал лично.

– Поехали на набережную, – велела она. Виталик кивнул, и тронул автомобиль.

На город опускались сумерки. Июльская жара ненадолго отступила, по небу катились тяжелые облака. Дух прохладный ветерок. Не исключено, что польет дождь, но Анна была этому только рада. Она необъяснимо любила воду, в любом ее проявлении.

Водитель припарковался на набережной, на территории Лужников. Разумеется, у нее был пропуск – добыть его, чтобы беспрепятственно проезжать к любимому месту прогулок оказалось не так уж сложно.

Народу было совсем мало: в основном спортивная молодежь, задержавшаяся на тренировках. Анна шла вдоль ограждения, радуясь чувству подступающего волшебства. Она знала, что прогулка закончится как обычно – она пройдет пару километров пешком, потом вернется через парк. Нырнет в салон машины. Доедет до дома. Приготовит теплую ванну. Возможно, позволит себе грамм пятьдесят хорошего коньяка. Все это время волшебное предчувствие будет медленно гаснуть, и на границе сна покинет ее совсем.

Но пока этого не случилось, она наслаждалась каждой минутой. Анна дошла до любимого места на набережной, небольшого причала для лодок. Тут можно было спуститься к самой воде по гранитным ступеням. Она скинула туфли, и вышла на последнюю площадку, которую захлестывали волны, если рядом проходил катер или корабль. Но сегодня на реке было удивительное затишье. Даже вездесущие прогулочные теплоходики куда-то попрятались. Возможно, было просто слишком поздно – сумерки медленно, но неуклонно уступали место летней ночи.

Любая река – это место силы. Анна никогда не сомневалась в этом. Волшебное место, способное забрать с собой, увести за таинственный поворот, к новым землям. Даже когда просто плывешь по реке ярким солнечным днем, город выглядит совсем не так, как на суше. Неожиданные ракурсы, нелинейное пространство совершенно меняли восприятие. Что уж говорить о таинственных ночных водах!

Корабль появился в поле зрения неожиданно. Никакого тарахтения двигателей, и вообще никакого постороннего шума. Он был похож на фантом, который вдруг материализовался над темными водами. Этот корабль был необычным: Анна отчетливо разглядела, что его корпус сделан из полированного деревянного бруса. И в целом он походил на парусник, если бы его вдруг надумал сделать современный дизайнер, который всю жизнь занимался роскошными яхтами. Однако, никаких парусов над палубой не наблюдалось. Только надстройка и капитанский мостик, уютно освещенные теплым желтым светом. Такой же свет горел в круглых иллюминаторах, отливающих латунию в скудном свете береговых фонарей.

По-прежнему бесшумно, корабль подходил все ближе. Начал разворот, прошелся перед ней, демонстрируя роскошный борт, на котором странной золоченой вязью было написано его название. Буквы Анна не разобрала, хотя они показались ей смутно знакомыми. За кормой корабля был огромный флаг, который слабо трепетал на легком прохладном ветерке. Изображение на флаге разглядеть было невозможно, слишком темно. Но это явно был не российский триколор.

Анна оглянулась. Крошечный причал был совершенно пустым. Ни души не стояло и на берегу, вдоль ограждения. Конечно, это было очень странно. «Неужели все-таки дождалась?» – Подумала она с трепетом, и не смогла сдержать улыбку.

Корабль оказался огромным. Его деревянный борт вздымался на высоту пятиэтажного дома, не меньше. Он остановился метрах в трех от причала. Должно быть, ближе подойти не позволяла осадка.

Анна хотела крикнуть, или помахать рукой, чтобы привлечь внимание тех, кто на борту, но в это время прямо напротив нее открылся большой квадратный люк. Люк медленно опускался; она немного отошла от края, и не зря – одной стороной люк лег прямо возле ее ног, сформировав что-то вроде мостика, по которому можно было пройти на борт.

Ее встречали. Две фигуры в вычурных одеяниях вышли из проема, скудно освещенного латунными канделябрами. Спустившись по «мостику», двое мужчин подошли к ней вплотную, после чего синхронно опустили на колени.

– Рады приветствовать, Ваше Величество! – Не поднимая головы сказал тот, что слева, – добро пожаловать на борт!

Глава 2. Бал Середины Лета

Дорога туда всегда была легче, чем обратно. Вместе с памятью, она обычно как будто сбрасывала груз ответственности, легко возвращаясь к роли офисной акулы. Да, ее решения могли стоить сотен миллионов долларов, но, по крайней мере, не людских жизней. На пути обратно память возвращалась рывком, сразу – но, тем не менее, процесс этот был довольно болезненным. Как взрыв.

Только что она стояла на баке, и глядела на рассекаемые форштевнем воды, стараясь не думать, не анализировать – а просто наслаждаться ощущением сбывшегося чуда. Вокруг плыли огни ночной Москвы. И вот, за излучиной, мягкое городское сияние перекинулось в Звездную Радугу, что накрывала Остров Драконьего замка, ее столицу, лишь раз в году.

Анна вспомнила все. Холодный ужас момента проклятия, когда ее мужа, Алого Короля, стерли из реальности за совершенные злодеяния. Помнила собрание Всемирной ложи двенадцати магов, и суд.

Ее не могли лишить права на королевство. Не было таких законов. Она не совершала злодеяний, противных человеческой природе; не была она и пособником. Просто тихая молодая женщина из благороднейшей фамилии, счастливая мать. Властный муж вызывал в ней восхищение, которое вот—вот могло перейти в более глубокое чувство. Поэтому ей было особенно тяжело на суде – глядеть и слушать многочисленные свидетельства его леденящих кровь злодеяний.

С ней он был совсем другим. Любил угадывать ее капризы. Оберегал от невзгод. Рассказывал романтические истории, мечтал под звездным небом... Странно – о чем может мечтать король богатой и успешной страны? А вот, у него мечты были. О новых мирах, построенных на принципах, не предполагающих жестокости. О вечном познании. О мудрости Извечного Дракона.

Все это было ненастоящим. Кроме сына, которого она ему принесла.

Арти... Артур. Ее плоть от плоти, ее смысл жизни. Первенец, самый любимый, самый дорогой. Ребенок, оставшийся единственным.

По приговору Всемирной ложи ее права на королевство признали неоспоримыми. Но сын злодея был так же признан угрозой. Ни один суд в мире не имел право вынести смертный приговор невинному ребенку – поэтому ее сына приговорили к изгнанию. Оставив, по обыкновению, Магическую Оговорку. Это «право на апелляцию» к судьбе, без которого не обходился ни один действительный приговор в ее мире. Сын мог вернуться домой, и вступить в права, только если его сможет найти слепое любящее сердце матери...

Анна думала, что не переживет вечер прощания. Арти еще не исполнилось трех; он не понимал, что происходит. Ее уверили только, что ребенок не погибнет сразу, оказавшись в чужом мире. Ему будут назначены опекуны, которые постараются из него воспитать достойного человека.

Приставам пришлось применить силу, чтобы отобрать ребенка у матери. Когда ей выкручивали руки, она потеряла сознание. Возможно, это было к лучшему – потому что к тому моменту она уже была готова отдать приказ атаковать своим стражникам. Со всеми вытекающими последствиями.

Возможно, у Озерного Королевства даже был шанс победить в борьбе со всем остальным миром – очень уж непростая ей досталась страна. Но эта борьба стоила бы сотен

тысяч, а то и миллионов жизней. Загубленные семьи, дети, умершие от голода... такова цена любой войны. Если бы речь шла о жизни Арти – она бы пошла и на это. Страдала бы вместе со всеми. Сама бы вела в бой когорты. Но Магическая Оговорка, этот исчезающий, призрачный шанс на счастливую жизнь менял все. И судьба распорядилась иначе.

За преступления своего мужа, и за будущее своего народа страдала одна Королева. И, возможно, ее сын – который должен был (она в это верила) где-то в глубине души помнить тепло настоящей матери.

Возможно, Анну любили за это. А, может быть, за два десятилетия взвешенной и разумной политики, когда во главу угла ставились интересы простых подданных. Она создала внутреннюю систему справедливых судов, смогла еще сильнее укрепить экономику, склотила крепкие международные альянсы, и возглавила их. Женщина встала во главе Озерного Королевства впервые за две с половиной тысячи лет, и народ ежедневно благословлял тот день, когда это случилось.

– Ваш чай, госпожа, – Джосс, ее адъютант, по обыкновению возник бесшумно. Двое слуг несли поднос с чайными принадлежностями: графином с подогретой водой, чашей и венчиком для взбивания.

– Благодарю, – кивнула Анна, – сегодня сделай покрепче, пожалуйста. Кажется, у меня вот—вот заболит голова.

Джосс молча склонил голову, и занялся церемонией. Анна неотрывно наблюдала за приближающимся берегом. Уже можно было разглядеть пассажирский терминал столичного порта, возле которого застыли две громадины рейсовых паромов, чьи полированные деревянные борта глянцеви́то блестели в просверках Звездной Радуги.

Наконец, чай был готов. По обыкновению, королева чуть прикрыла глаза, и сделала два маленьких плоточка крепчайшего койтя. Через несколько секунд в голове прояснилось; наступавшая было мигрень рассеялась грозвым облаком на горизонте. Взгляд и мысли стали прозрачными и звенящими, как хрусталь.

– Спасибо, Джосс, – кивнула она, и добавила: – Мы идем в графике?

– Да, Ваше Величество, – кивнул адъютант, – подготовка вашей речи, и открытие бала ожидаются в точном соответствии составленному Вашим Величеством расписанию.

– Хорошо, – кивнула она, – церемонимейстера и платье доставьте в мою каюту. Хочу выйти на берег уже подготовленной. Давайте обойдемся без этих параноидальных скачков по стихийным мостам, как в прошлом году.

– Ваше Величество, Вы же понимаете, что обстановка...

– ...никогда еще не была более благоприятной, – перебила Королева. И, выдержав секундную паузу, добавила: – Джосс... Вы же меня давно знаете. Мне нужна эта отдушина сегодня.

Адъютант тяжело вздохнул.

– Никаких следов Арти? В очередной раз? – Тихо спросил он.

– Пока нет, – ответила королева, – Джосс, – она взяла адъютанта за руку, на которой была надета белая кожаная перчатка, и сжала пальцы, – спасибо, что называете его по имени. Спасибо, что помните.

Ее глаза оставались сухими, потому что королева не может позволить себе слезы.

В представлении жителя мира, лишённого магии, волшебные миры – это что-то вроде застывшего во времени архаизма. Кованые доспехи, повозки на деревянных колесах, кареты.

«Раненое сердце, острые стрелы, Черные кони, ночи без сна», – вот это вот все. Вершина технического прогресса – это, в лучшем случае, паровозы. Которые обязательно обслуживают недолюбливающие магию гномы. В таком положении дел больше всех виноваты маги – мигранты, решившие посвятить часть своей жизни, исследованиям «Костной Земли». Именно так они снисходительно называли миры, где магия невозможна, в своих высококобых трактатах. Среди них было немало писателей, режиссеров, драматургов, художников, которые всеми силами поддерживали миф «застывшего средневековья». Сложно сказать, что ими двигало: соображения безопасности? Ограничение обратной миграции? Или же просто извращенное чувство юмора?

Разумеется, в волшебных мирах люди, как и везде, ценили прогресс и комфорт. И совершенно не чурались его достижений. Конечно же, ни один нормальный гном на самом деле никогда не признается в своей нелюбви к магии. Это все равно, что расписаться в нелюбви, скажем, к водопроводу. Или канализации. Или электричеству, если сравнивать с Костной Землей. То есть, конечно, всякие фрики встречаются в природе – но чтобы целый народ или раса вдруг лишились разума! Такого не бывало даже в период жесточайших магических войн прошлого столетия. Поэтому гномы спокойно пользовались самоходными горными големами—самосвалами для карьерных работ, делали съемки местности с помощью грифонов – коптеров, которые могли транслировать видимое изображение прямо на хрустальные шары в операторской. Причем не только в видимом диапазоне – но и в инфракрасном. Они могли даже мерять радиационный фон, и служить гравитометром!

Магия не сильно в ладах с железом, и большинством других металлов, это правда. Поэтому его здесь заменило специально выведенное дерево, предназначенное для промышленных разработок. Но и его в последнее время стали вытеснять полимеры последнего поколения, и углеродные нанокompозиты.

Королевская яхта была сделана из благородной дикорастущей Асмоловой Сосны, и во всем государстве больше нельзя было найти другого корабля из того же материала. Просто потому, что это было запрещено. Не письменным законом даже, и не указом – а самой что ни на есть традицией. А это для магического мира значит куда больше.

Но королевский лимузин был последним достижением магическо-технической мысли. Поликарбонатный кузов, синтетическая кожа салона и сидений, превосходящая по прочности и комфорту обыкновенную в сотню раз. Акустическая система, заговоренная самими Сиренами Пролива Фиолетового континента (а они меньше чем за миллион золотых в проект не входят!) Силовая установка в виде Веретена Стихий, мощностью больше тысячи лошадиных сил. Голем – автопилот со скоростью реакции, превосходящей возможности даже магов воздуха. Кстати, именно благодаря последним открытиям адептов воздушной стихии, в колеса лимузина были встроены заговоренные ступицы, которые в случае аварийной ситуации превращали наземное средство передвижения в летающий экипаж. Только, конечно, это было большой государственной тайной, как и другие характеристики королевского транспорта.

Анна настояла на официальной встрече, и на берегу ее ожидал парадный телетрап с пурпурной дорожкой внутри, почетный караул вольтыжников и варганщиков, главный церемонимейстер, и целая толпа обожающих ее простых подданных, заполонивших весь королевский пирс.

Королевская яхта появилась на горизонте меньше часа назад – а вот поди ж ты, успели набежать. Можно было, конечно, ограничить доступ, но зачем? Во—первых, Анна не для

того тщательно строила и пестовала образ просвещенного правителя (которым она на самом деле была), чтобы разрушать его ради сиюминутного комфорта. Или, тем более, нездоровой потребности в самоутверждении, часто свойственной менее мудрым правителям. К тому же, она любила чувствовать связь со своим народом. Это придавало сил. И сейчас, после очередного путешествия в Костный Мир, и очередного разочарования, ей это было жизненно необходимо.

Что же касается вопроса безопасности, то и здесь королева вовсе не была беспечна. Помня о своей беспомощности перед лицом приставов Всемировой ложи, она сумела в тайне построить мощнейшую в мире систему спецслужб, ключевые фигуры которой были глубоко преданы ей лично. То, что случилось с Алым Королем, не имело никаких шансов на повторение с Анной. Хотя до поры до времени это полное и безоговорочное восстановление суверенитета приходилось держать в тайне. А в случае самых благоприятных обстоятельств, эту тайну она сможет унести с собой в могилу.

Под раскатистый и пафосный марш оркестра, она ступила на телетрап. В воздух над толпой взвились разноцветные шелковые полосы, красиво переливающиеся в свете Звездной Радуги. Еще одна традиция, символ народного счастья и единения вокруг монарха. Церемонимейстер ждал ее возле лимузина, и распахнул дверцу тогда, когда Анна оказалась точно на определенном протоколом расстоянии.

Она нырнула в прохладное нутро автомобиля, откинулась на мягком сиденье, и, наклонившись и сбросив тяжелые туфли, помяла стопы. Дорога до Замковой Горы – единственное, а потому самое ценное время предстоящей ночи, когда она еще могла расслабиться и побыть собой.

Когда-то давно, сразу после коронации, ей в голову приходила мысль, что было бы неплохо использовать для церемоний открытый кабриолет. Однако и тут традиции оказались сильнее. Правитель, оставаясь наедине сам с собой перед новогодней речью, должен ощутить всю глубину своей ответственности, и не слишком поддаваться эйфории праздника.

Свои обращения к народу Анна никогда не готовила заранее. Так сложилось. Свою первую речь, в самый тяжелый и черный для ее королевства год, она произнесла от сердца, буквально на миг отвлекшись от тщательного подготовленного министрами, и старательно заученного текста. Она просто посмотрела в толпу. Увидела напряженные, жесткие лица; смогла разглядеть боль, страх, обиду, прочувствовать все это. Но самое главное: она увидела совсем крохотные, робкие лучики сумасшедшей надежды на лучшее, на перемены, которые ее народ давно заслужил. Теперь, имея за плечами десятилетия опыта, она прекрасно понимала, что тот заранее подготовленный, правильный и выхолащенный текст мог погубить не только ее, но и все королевство. Поэтому теперь она гораздо больше доверяла собственному сердцу и интуиции, чем бумагам, и данным социологических опросов. А подлинную искренность заранее не подготовишь.

Спустя пятнадцать минут автомобиль затормозил у каменной лестницы ее замка. Ее никто не встречал. Только ряд заранее зажженных настенных факелов, и дорога, уходящая в мерцающее всеми цветами радуги небо.

Она сама открыла дверцу, вышла и, не оглядываясь, шагнула на гранитную площадку, гордо расправив плечи. Она часто представляла себе, как выглядит в этот момент со стороны, как видят ее подданные. Маленькая фигурка в белом на фоне мрачной тысячелетней громады замка. И путь вверх, усеянный оранжевыми бусинами факелов. Конечно, как любая церемония, эта была глубоко символичной. Вот только ее мнение о

значении этого символа год от года менялось.

Этой ночью ее сыну исполнялось три года. Возраст инициации. Он окончательно вступал в права наследного принца. А мать окончательно прощалась с потерянным детством своего ребенка.

Анна ни разу не смотрела церемонию в записи, хотя архив всегда был под рукой. Именно потому, что не хотела разрушить картинку, рисуемую ее внутренним зрением. Это очень помогало поймать нужный настрой.

Элементали – камеры, ведущие трансляцию по всей стране на хрустальные шары и в глобальной информационной сети, никогда не показывали лицо монарха до того, как он ступит на балкон-трибуну. Раньше этот момент ей не казался таким уж важным, но теперь Анна испытывала искреннюю благодарность этой очередной традиции. Она чувствовала, как в уголках ее глаз появились слезы. Два крошечных хрусталика, память о потерянном детском времени. К тому моменту, как она добралась до верха, эти слезы высохли. Только праздничное новогоднее небо, да безмолвные стражи – факелы были свидетелями минутной слабости королевы.

В точно рассчитанную минуту она появилась у края балкона, украшенного ее родовым штандартом: дракон и мантикора на фоне золотого силуэта Замковой Горы, в лучах закатного солнца. Звездная Радуга замерла на небе, сполохи прекратились. Цвета медленно начинали бледнеть, чтобы к концу речи исчезнуть совсем. В этот момент над западным горизонтом должна взойти синяя Луна. Момент появления ее диска считается началом Нового Года по новому мировому календарю.

Анна оглядела замерших внизу подданных. Открыла свое сердце и душу, отдалась ощущению полета. «Я с вами, родные, – не мысль даже – а ощущение, – я здесь; я ангел—хранитель». Она вдохнула, и сказала:

– Мой народ, – ее тихий голос, наполненный силой, разносили по всему городу элементали воздуха, порождая долгое шепчущее эхо, – сегодня я в двадцатый раз стою перед вами. Даю отчет нашим общим чаяниям и победам. Сегодня я часто вспоминала то черное время, когда по велению высших сил мне в руки упала судьба нашей страны. Так же, как и всем нам, мне было страшно. Проблем было столько, что руки опустились бы даже у великих основателей прошлого! Но вы спасли меня. Стоя здесь, перед гранитом нашей цитадели, я ощутила в полной мере силу своего народа! И эта сила вытащила нас всех – из прозябания на задворках мира, из нищеты. Мы оказались достойны лучшей жизни, – Анна сделала паузу, оперлась руками о гранитный бортик, и продолжила, глядя вниз, на людей, – сегодня наша Озерная Страна в авангарде мира. Мы вместе добились этого. Мы живем лучше, богаче, здоровее, чем любой другой народ под этим небом!

Толпа внизу одобрительно загудела. Анна снова сделала паузу, приветственно помахала правой рукой. Дождалась, пока шум немного утихнет, и продолжила:

– В уходящем году мы первыми из развитых государств разрешили межрасовые браки на официальном уровне. Мои доблестные гномы, верные поданные, обитатели суровых северных Скалистых Островов, окончательно освободились от дискриминационных ограничений, порожденных невежеством и заблуждениями.

В этот раз шум толпы был еще более громким и продолжительным. Анна позволила себе улыбнуться.

– Достижения ученых магов нам позволили первыми в мире возобновить программу пилотируемой космонавтики. Мы смогли построить настоящие корабли, с жезловыми

двигателями – а это совсем не то же самое, что суборбитальные драконы, которые использовались на предыдущем витке гонки магических технологий. Успешный тест спускаемой капсулы – наш главный новогодний подарок!

Одобрительный гул, и поднятая над головой правая рука с развернутой ладонью, символизирующая общее стремление к пространственной экспансии. Анна верно расставила приоритеты; имея стабильный достаток, народ начинал тяготиться рутинной. Войны и конфликты она ненавидела. Оставалось только одно: экспансия, и зримые научные достижения, превосходящие все виденное ранее. Космическая программа была ее коньком и будущим наследием. Обладая достаточно развитыми магическими технологиями, и контролем над стихиями, было вполне реально создать самодостаточные лунные колонии, а оттуда распространить свое влияние над ресурсами всей Солнечной системы. Ей удалось проделать это настолько быстро, что другие государства – еще недавно высмеивавшие ее на международных саммитах – спешно интриговали, пытаясь перекупить ее ведущих магов.

– И, наконец, самое главное, – продолжала Анна, подняв руку для привлечения внимания. Толпа замерла, – сегодня я, в бесконечном доверии к моему народу, подпишу новый закон о престолонаследии, принятый парламентом в канун Нового года. В случае, если я уйду в лучшие миры до того, как оставлю наследника по крови, вам предстоит основать новую династию. Выбрать монарха из своих рядов на честных и тайных выборах, которые пройдут впервые за десять тысяч лет.

Эти слова народ встретил молчанием. Даже не прибегая к магии, Анна буквально чувствовала, как люди растерянно переглядываются, не понимая, как реагировать на эти новости. В мире не было прецедента, чтобы династия уходила добровольно, тем более подготовив свой уход, и обеспечив транзит власти новой династии. Это было новаторство, по сравнению с которым совместные браки людей и гномов выглядели верхом консерватизма.

Потом, где-то вдалеке, со стороны доков, послышались одинокие хлопки. Несколько секунд – и пожар аплодисментов захватил всю набережную, наполненные толпой народа улицы, и площадь перед замком. Белый шум разрозненных хлопков постепенно слился в едином ритме. Люди медленно и торжественно работали ладонями; у многих на глазах стояли слезы. Наверно, среди ее подданных не было ни одного человека, который бы не думал в этот момент о молодом пропавшем принце, о жертве, которую принесла их королева двадцать лет назад, ради общего мира и благополучия.

Где-то в глубине души у Анны до последнего момента жил червячок сомнения: поймет ли народ? Оценит ли? Она рвала свое сердце на части – но не могла позволить, чтобы дело ее жизни, все достижения, благополучие миллионов людей висели на волоске только потому, что ей не везло в поисках принца. В минуты, когда было особенно тяжело, ее даже посещали малодушные мысли об отречении. Ведь куда проще искать пропавшего ребенка, не имея на плечах груз ответственности за целую страну. Но у этой обузы была и обратная сторона: без государственных ресурсов она бы едва ли могла себе позволить себе такие частые визиты в Костный Мир, еще и с добровольной потерей памяти. Каждая такая вылазка в конечном итоге стоила, как суборбитальный исследовательский полет, и была доступна только магам высшей категории посвящения. Или же монархам.

Новогодняя речь была завершена. Оставалась последняя формальность перед началом бала: визит к Оракулу. В Озерной стране последние полторы тысячи лет оракулом служила хрустальная статуэтка совы в натуральную величину, установленная на вершине узкой антрацитовая колонны. Доступ в нишу с совой имела только королева. Более того – взгляд на

Оракула любого другого жителя королевства, даже совершенно случайный, приравнивался к государственной измене, и мог караться смертной казнью.

Анна, послав воздушный поцелуй своему народу, вышла с балкона—трибуны, и направилась к скале, на которую, словно перчатка на руку, было надет замок. Среди отвесных серых стен, покрытых мхами и лишайниками, была совершенно незаметна небольшая складка, ведущая в нишу Оракула. Причем незаметность эта была естественной, тут обошлось совсем без магии. Любое фоновое магическое вмешательство могло воздействовать на работу Оракула, и потому было строго запрещено. Королеве даже пришлось оставить мифриловую корону и скипетр на специальной бархатной подставке, прежде чем ступить в саму нишу.

Сова бесплотным призраком искрилась звездным светом, сливаясь с почерневшим небом. Пришло время задать беззвучный вопрос. Точнее, повторить его – ведь уже двадцать лет этот вопрос был одним и тем же. Анна закрыла глаза, и проговорила про себя фразу: «Оракул. Будет ли мне сопутствовать успех в поисках сына, найду ли я своего мальчика в этом году?» Она спокойно открыла глаза, ожидая приговора, и будучи к нему готовой. С каждым годом боль от предсказания Оракула была все острее, но она справлялась с ней все лучше, и продолжала искать сына – потому что убедила себя не верить ни в какие предсказания.

Глаза хрустальной совы сияли двумя яркими рубинами. Анна привычно и разочарованно вздохнула, и подготовилась к выходу, и только после этого смысл увиденного, наконец, дошел до ее измученного сознания. Все предыдущие двадцать лет Оракул показывал ей зеленые глаза. Убеждал ее, что в новом году она не сможет найти сына. Так и выходило – раз за разом. И вот теперь, отчетливый красный. Положительный ответ на ее немой вопрос. Королева даже тихонько ущипнула себя, чтобы убедиться – она по-прежнему в полном сознании, и не грезит наяву. Ее радостную улыбку видели только яркие звезды, да медленно гаснущие глаза Оракула. По щекам сплошным потоком лились горячие слезы радости, а сердце ошалевшей белкой скакало в груди.

Чтобы привести в порядок макияж перед Балом, Анне пришлось воспользоваться магией.

Премьер—министр встречал ее в сопровождении струнного оркестра в расшитой золотом тунике. Анна знала, что Грегор ненавидел это церемониальное одеяние; чтобы оставаться в рамках приличий, ему приходилось две недели сидеть на строгой диете, и эти лишения совершенно не добавляли его сварливому характеру жизнерадостности. Впрочем, сейчас улыбка на его лице была вполне искренней: разговение было совсем рядом. Всего один танец с королевой, и долгожданный пир в честь Праздника Середины Лета, на котором себя уже можно не ограничивать.

Оркестр затянул церемониальную сарабанду. Анна сделала полагающиеся па, и протянула руку Грегору. Тот принял ее ладонь, и они продолжили танец. После первого круга, к ним присоединились придворные: ближний круг, приглашенный на бал в главном зале Замка на Горе. Конечно, такая близость имела значение – но все же не такое сакральное, как тысячи лет назад, когда традиция бала только зародилась. Теперь Бал могла видеть вся страна; десятки, а то и сотни элеметалей света и воздуха обеспечивали трансляцию на домашние хрустальные шары по всей стране. Королева знала, что миллионы ее подданных сейчас, надев лучшие одежды, церемониально раскланиваются со своими домашними, и повторяют самые простые па праздничной сарабанды.

И, несмотря на это, премьер-министр почти не раскрывая рта сказал ей:

– Вы все-таки решились на это. Я очень беспокоюсь, выдержит ли наша система спецслужб натиск, который обязательно последует. Они мне не подчиняются. У вас много внешних недоброжелателей, моя королева. Я не уверен, что смогу вас защитить.

– Ах, Грегор, – чтобы ответить беззвучно, и без движения губ, Анна прибегла к магии, – если бы я была осторожна каждый раз, когда вы меня предупреждаете – мы бы до сих пор сидели на кредитах Железного Альянса.

Они прошли очередное па, и Грегор ответил:

– Я не такой храбрый как вы, Анна. Наверно, поэтому до сих пор сохраняю свою должность и голову.

– Детали обсудим потом, послезавтра на планерке правительства. Но, поверь мне – я все продумала.

Вместо ответа, Грегор присел в полагающемся реверансе, и завершил церемониальный танец. Пришло время неформального общения и пира.

Глава 3. Колыма

Лаврентий, глава Королевской службы внешней разведки, сидел перед ней в совершенно растрепанном виде: форменный сюртук распахнут, брюки помяты, даже туфли заляпаны какой-то коричневой не то грязью, не то краской. На голове полный хаос – свалывшиеся ключья седых волос, под глазами иссиня-черные мешки. Но голос его звучал по-прежнему спокойно и твердо.

– Мы сами не ожидали успеха, моя королева, – отчитывался он, – но посчитали своим долгом использовать эту возможность. Ваше отчаяние разбивало мне сердце.

– У меня никогда не было сомнений в вашей преданности, – ответила Анна.

– К сожалению, нам не удалось полностью нейтрализовать блокировки. Там использовалась некромантия высшей пробы – разумеется, давно запрещенная всеми международными конвенциями. А Печати Молчания были созданы на основании конструкторов Предтечей. Но все это мы выяснили потом.

– Удивительно, что во время операции никто из сотрудников не погиб, – сказала Анна.

– Похоже, нас хранила сама Судьба, – покачал головой Лаврентий, – зная наперед, с чем придется столкнуться – я бы не полез без вашей санкции.

– Что ж, – Анна покачала головой, – рано или поздно приходится брать на себя ответственность, не так ли?

– Верно, Ваше Величество, – кивнул глава разведки, и запустил грязную пятерню в свалывшиеся волосы, – но оно того стоило. У нас теперь есть неопровержимые доказательства, что наследник... – Он осекся, и продолжил через секунду, – что Арти жив, и находится именно в том варианте Костного Мира, который мы определили, как наиболее вероятный. Где вы живете второй жизнью. Более того – мы совершенно точно определили страну. Промашка вышла только с городом. Его судьба связана с двумя морскими городами: один на берегу теплого моря, другой – на берегу холодного. Точные названия мы сказать не можем, но предполагаем, что это Севастополь, Новороссийск, Сочи и Владивосток или Санкт—Петербург.

– Я специально подбирала свою рабочую специальность и карьеру так, чтобы иметь возможность путешествовать как можно больше, – Анна покачала головой, – я была почти во всех этих городах. Кроме Новороссийска.

– Наследник не находился там безвылазно, – возразил Лаврентий, – вы могли разминуться.

– Сведения, безусловно, очень ценные, – продолжала Анна, – но как они могут повлиять на нашу стратегию поиска? Единственное, что мы можем корректировать – это нюансы моего социального положения и карьеры там. Я не смогу взять эту информацию с собой.

– Через нашу агентуру мы инициируем большое количество командировок в приморские города.

– А что там с внешним наблюдением? – Спросила Анна, – удалось выяснить, кто вышел на меня и зачем?

– Удалось, ваше величество, – кивнул Лаврентий, – это были не чужие. Грегор проявлял бдительность. Вышел за пределы своих полномочий, разумеется. Думал, мы не сможем засечь. Его ячейка там очень слабая, все-таки такой бюджет скрыть почти невозможно. Мы ее полностью контролируем. Лично я думаю, что он ожидал какое-то ваше решение по

престолонаследию, и решил перестраховаться на случай... – разведчик снова осекся, – на случай, если вы сочтете возможным не возвращаться в очередной раз. Зная о нашей преданности лично вам – такой шаг с его стороны выглядит логично.

– И находится на грани измены, – заметила Анна, – как думаете поступить?

– Ячейку не трогать. Контролировать информацию. Быть готовым использовать в ваших интересах.

Соблазн устроить выволочку Грегору был очень силен, но королева сдержалась. Когда высокопоставленные подданные начинают проявлять самостоятельность – это и плохо, и хорошо одновременно. Плохо потому, что каждому правителю в этой ситуации следует начать опасаться за свой трон. А хорошо – потому что это наглядный показатель того, что не перевелись в народе пассионарии; у страны есть будущее, которое не зависит даже от правящей династии. И все же уходить на покой в ближайшее время Анна не собиралась. Поэтому нужно было выяснить, как вообще такое стало возможным, и почему ее личная спецслужба, полумифическая Королевская служба охраны проморгала это дело.

Встреча с Питером, главой охраны, была назначена в глубине английского парка – на небольшом клочке земли, с трех сторон прикрытом отвесными скалами, а с четвертой – обрывом над обычно беспокойным в это время года морем. Разумеется, место это было максимально защищено родовой магией, и как нельзя лучше подходило для переговоров настолько секретных, что даже ее личная защищенная приемная не годилась для этого.

Для всех остальных придворных, включая главных разведчиков и премьер—министра, она удалилась, чтобы медитировать и заниматься йогой. Никто из них не знал, или, по крайней мере, не должен был знать о самом существовании Питера, равно как и о спецслужбе, которую он возглавлял.

Питер. Высокий атлетически сложенный брюнэт. Пожалуй, единственный из ее приближенных, кто вызывал в ней женские чувства, и был способен разбудить потаенные желания. Однако Анна была слишком умна, чтобы иметь хоть какую-то личную жизнь в возрожденном ею королевстве. Конечно, в Костном Мире у нее бывали интрижки (некоторые из них даже грозили перерасти в нечто серьезное), но не дома. Да и Питер никогда не выходил за пределы профессиональных отношений, хоть и был бесконечно ей предан. Поначалу она даже думала, что он асексуален, и совсем не интересуется этой стороной человеческой жизни – семьи у него не было, женщин он избегал, но все оказалось иначе. Личная жизнь у него была, просто он прятал ее настолько хорошо, что даже королева, со всеми ее ресурсами, смогла разобраться что к чему только через несколько лет после того, как он занял пост главы ее личной охраны. Впрочем, это знание никак не изменило ее отношение к Питеру. Разве что добавило профессионального уважения – настолько тщательно он смог разделить личное и рабочее, чтобы одно не угрожало другому.

– Вы сделали это, Ваше Величество, – констатировал Питер. Несмотря на то, что голос звучал ровно, Анна чувствовала его бешенство.

– Да, Питер, – ответила она, таким же ровным голосом, – я говорила тебе о своих намерениях. И, надеюсь, ты принял их к сведению.

– Я полагал, что мне удалось отговорить вас.

– Заканчивай с этим, – сказала Анна, резко изменив тон, – я тебя услышала, и даже поняла. Хватит играть в оскорбленную невинность. Просто поверь, выбора действительно не было.

– Хорошо, – кивнул Питер, – если мы по-простому, то давай по-простому. Я думаю, ты подписала себе приговор. И заодно всему нашему королевству.

– У тебя есть конкретные сведения?

– Нет, – покачал головой Питер, – но мы работаем над этим. То, что они будут – это просто вопрос времени.

– Мы обсуждали это, – вздохнула Анна, – и приняли как неизбежность.

– Да! Но почему ты не дала нам времени подготовиться?

– Я застала врасплох не только вас, знаешь ли. Поэтому наступило твое время. Если что-то было, готовилось подспудно – сейчас они будут шевелиться. Не упusti момент!

– Ты же знаешь. Мы не упустим, – насупился Питер.

– А вот скажи мне, как вы прощляли активность Грегора?

– Поясни?

Они подошли к части парка, которая выходила на обрыв. Никаких ограждений тут не было – да и кому их устанавливать, если доступ на территорию был строжайше закрыт для кого-либо, кроме королевы, и ее особо приближенных гостей? Солнце висело в зените, кроны деревьев парили, наполняя воздух душной терпкостью. Откуда-то издалека доносился шум бьющегося в отчаянии прибоя.

– Он устроил небольшую ячейку возле меня, в Костном Мире, – сказала Анна, глядя в голубое небо чуть прищурившись.

– Ясно, – Питер поджал губы, – а ты вообще помнишь про свой запрет на сопровождение там?

– Помню, – улыбнулась Анна, – но удивлена твоей щепетильности.

– А зря. Я не изменник, и никогда им не стану.

– Будь у меня малейшие сомнения, этого разговора бы не было.

– И тем не менее, мы контролировали ситуацию. И сейчас контролируем. В сетке Грегора всего три человека. Ни одного серьезного боевика или мага. Только статисты – наблюдатели, которых можно было протащить в другой мир, не привлекая серьезного внимания. Мы давно контролируем поступающую к ним информацию.

– А меня, значит, ставить в известность не обязательно? – Улыбнулась Анна.

– Помнишь, мы обсуждали этот вопрос, – покачал головой Питер, – ты ведь даже не подозреваешь о девяноста процентах покушений на тебя, которые реально готовились, и были опасными. Потому что, если бы я докладывал о каждом телодвижении – вместо того, чтобы просто выполнять свою работу – ты бы не смогла управлять государством.

– Верно, друг мой, верно, – повинувшись какому-то порыву, Анна протянула руку, и сжала ладонь своего охранника. Пожатие вышло сухим и теплым, – прости, что не берегу тебя.

Питер удивленно поднял бровь.

– Извини, но это еще не все новости, – продолжала королева, – завтра с утра я снова ухожу.

– Но ведь каникулы даже не закончились! И ваш график поездок по стране выполнен только процентов на семьдесят! Что подумают подданные?

– Сделай так, чтобы они не подумал ничего плохого. Или хотя бы постарайся, ладно? – Вздохнула Анна, – Пит, у меня правда нет выбора. Прости, что взвалила на тебя все это.

– Информация об Арти? – догадался Питер.

– Да.

– Надеюсь, Лаврентий не ошибся.

– Я тоже.

– Плывите с миром, моя королева, – сказал Питер, глядя ей в глаза с какой-то обреченной печалью, – ваши рыцари сохранят ваше королевство, или погибнут с вашим именем на губах...

Королева хорошо умела чувствовать не только ложь. Она как точнейший прибор улавливала напряжение в своем окружении. Никто бы не осмелился лгать ей прямо в глаза, но что-то явно назревало. Грегор... Лаврентий... и даже Питер – все они вдруг закрылись от нее, напряжились, словно готовясь к скорой схватке. Не нужно было быть особо прозорливым пророком, чтобы понять – это связано с ее решением по престолонаследию. Принимая его, она продумала и учла множество факторов, и решила, что риск оправдан. Но все завертелось слишком быстро. Все карты спутал Оракул.

У нее просто не оставалось выбора, кроме как вернуться к поискам сына, и рассчитывать, что система сдержек и противовесов, которую она выстроила, выдержит грядущий шторм даже в ее отсутствие.

Пока Анна была в родном королевстве – течение времени в Костном Мире для нее замирало. Каждый раз она возвращалась туда в тот самый момент, когда уходила. Более того – когда Анна жила на той стороне, она не старела. Ах, если бы временной фактор работал не только для Костного Мира, но и для ее родного королевства, насколько это упростило бы ее задачу! Но все реки текут только в одном направлении. Время, проведенное в поисках сына – это время, украденное у ее королевства. Сейчас, после Праздника Середины Лета, на каникулах, должно было наступить политическое затишье. Народ разъехался по семьям, все настроились на отдых. Это должно было сгладить остроту последствий от принятого ей решения по престолонаследию, но все равно – риск оставался очень велик. И все-же, получив предсказание Оракула, она не могла тянуть. Поэтому, хоть и с тяжелым сердцем, но решительно, она стала готовиться к отбытию обратно, в тот странный мир без магии, которому почти удалось забрать у нее сына.

Анна шла по набережной, и улыбалась такой счастливой улыбкой, что на нее оглядывались прохожие. Она пыталась взять себя в руки, и вернуть подобающее ее положению выражение лица – но тщетно. Ощущение внутреннего счастья было очень мощным, и совершенно необъяснимым. Анна чувствовала необыкновенный подъем сил и энергии, хотелось своротить горы, заняться всеми делами одновременно. В голове как-то само собой выстроились сложные цепочки будущих сделок, над которыми она корпела всю прошедшую неделю.

Виталик вышел из машины, чтобы открыть ей дверь. При виде сияющего как медный пятак руководства он даже бровью не повел – только кивнул, и осведомился: «Домой, Анна Александровна?» Не переставая улыбаться, она кивнула, и нырнула в уютное нутро машины. «Молодец, – мысленно отметила она, – не ошиблась я в нем. Надо будет выписать премию внеочередную».

Блаженно вытянув ноги, Анна потянулась к пульту аудиосистемы, чтобы включить что-нибудь классическое, под настроение. Но как раз в этот момент раздался сигнал вызова на телефоне. Поглядев на экран, она увидела портрет шефа. Настроение – еще секунду назад легкое, воздушное и радостное – мгновенно испортилось. Шеф никогда не звонил по пустякам, особенно в неурочное время. Значит, случилось что-то действительно плохое.

– Слушаю, – ответила она.

– Привет, – голос шефа звучал преувеличенно бодро, – Аня, ты ведь еще не дома?

– Нет, шеф, – ответила она, автоматически покачав головой, – еще в дороге.

– Скажи Виталику, чтобы вез тебя в «Шарик». Терминал D. Ты срочно нужна в Магадане.

– Ясно, шеф, – ответила Анна; менее опытный менеджер в этой ситуации мог бы начать задавать вопросы, просить каких-то объяснений. Она же всегда помнила, что любую линию можно прослушать, любой разговор – записать. На том уровне, где играла она – любая крупница информации могла стать смертельным ядом. Или же неотразимым оружием.

– Спасибо, – ответил шеф, и отрубил связь.

«Аня, значит, – рассуждала она про себя, – и сухое «спасибо». Все действительно очень серьезно». Она мысленно перебирала в голове все известные ей факты по недавно приобретенному активу, руднику имени Кутузова, в Тенькинском районе. Вроде бы ничего криминального, на первый взгляд. Что так встревожило шефа?

Новый вызов на телефон. Саша, ее пизэй.

– Анна Александровна, доброго вечера, – сказал он, и продолжил, не дожидаясь ее ответа, – вылетаете рейсом «России», из терминала D. Я зарегистрировал вас на место экстра—спейс в бизнесе, возле окна, как вы любите. Борт – бывший «Сингапурские авиалинии», поэтому бизнес у них объединен с бывшим первым классом. Вы летите в кресле первого класса. Система развлечений не работает, но механика самого кресла должна быть в порядке. Питание, к сожалению, заказать не успеваю. Если позволите – оставим меню по умолчанию.

– Спасибо, Саша, – ответила Анна, – окей, оставляем по умолчанию.

– Бизнес—зал Сочи, – продолжал Саша, – ваш тревожный чемоданчик уже в пути курьером. Когда прибудете на место – портье передаст вам.

– Мой... что? – Удивилась Анна.

– Анна Александровна, я подавал в бюджете на этот год, – пояснил пизэй, – на случай экстренных служебных командировок, помните?

– Честно говоря – не помню, – ответила Анна, – так что за тревожный чемоданчик? Поясни, не понимаю.

– Набор смены белья. Одежда в вашем стиле, сложил по погодным условиям в Магадане. Дубль вашей лечебной и декоративной косметики. Банные принадлежности. Все новое, разумеется. Кстати, в ложе доступен душ, я заказал его дезинфекцию, у меня хорошие связи с персоналом, поэтому можете смело воспользоваться.

Анна часто летала в командировки, но так экстренно, как сегодня – впервые за три года. Ее предыдущая помощница, как она помнила, даже не могла ее толком на рейс зарегистрировать, пришлось самой корячиться у стойки...

– Саша... – Пробормотала она.

– Да, Анна Александровна?

– Что-то еще?

– Да, – продолжал помощник, – обязательно проверьте перед вылетом тревожный чемоданчик. Откройте сумку, и посмотрите. Я беспокоюсь, что мог что-то забыть.

Даже она не сразу сообразила, о чем идет речь. Сначала даже немного возмутилась: помощник что-то от нее требует? Потом поняла: это шеф играет в предельную конспирацию. Вместе с вещами, в сумке будут необходимые документы и пояснения.

– Хорошо, Саша, – ответила она после секундной паузы, – я обязательно загляну, не беспокойся.

Народу в ложе было на удивление мало. Все сидели на максимальном удалении друг от друга, дисциплинированно соблюдая социальную дистанцию. Многие были в масках. Портье при входе внимательно посмотрел на посадочный в ее мобильнике, потом попросил подождать минуту, после чего отошел куда-то в служебные помещения, и вернулся с новенькой сумкой «Луи Витон». Анна постаралась не выказывать удивления перед сотрудниками бизнес—ложи, но мысленно поставила себе зарубку – переговорить с Сашей насчет бюджета. Все-таки даже вопрос личного комфорта и имиджа должен иметь определенные пределы, иначе рано или поздно придется объясняться.

Анна нашла самое уединенное кресло в глубине помещения, убедилась, что ни одна из камер наблюдения не «стреляет» в спину, после чего открыла сумку. Сверху лежал новенький ноутбук HP сканнером отпечатка пальца, радужки глаза и поляризованным экраном – для конфиденциальной работы в общественных местах. Довольно редкая корпоративная модель. Она послушно приложила большой палец к сканеру, и позволила лазеру посветить себе в левый глаз. Экран зажегся. На нем высветился вопрос: «В чащах джунглей жил бы цитрус?»

Ничего себе! Шеф лично занимался подготовкой и настройкой этого ноутбука. Она пыталась пошутить на собеседовании, когда устраивалась в компанию много лет назад – и шеф это запомнил. Злоумышленник – даже если бы раздобыл ее пальцы и глаза – на последнем этапе наверняка радостно бы ввел в качестве ответа завершение панграммы: «Да! Но фальшивый экземпляр». После этого вся информация на диске была бы уничтожена. Единственно правильный ответ знала только Анна и сам шеф.

Она прикрыла клавиатуру, улыбнулась, и ввела пароль. Компьютер разблокировался. На рабочем столе была единственная папка с документами. Анна погрузилась в чтение.

Неведение, как правило, хуже самой проблемы. Шеф уже достаточно ее напугал этой внезапной командировкой и секретностью, которой позавидовала бы иная спецслужба. На практике все оказалось не так страшно. Пиарщики сильно накосячили – позволили выйти в эфир на местном телевидении сюжету, где в кадр попали работающие шаровые мельницы на новом ГОКе. Невелика огреха – но тот сюжет как назло посмотрел один новый и особо ретивый сотрудник Ростехнадзора, который как раз был в регионе в командировке. Разрешения на пуск линии они не получали. Но производственники так спешили сделать первый слиток ко дню рождения шефа, что наплевали на формальности, и отправили первую руду по сокращенной технологической схеме, минуя флотацию. Итог: комиссия Ростехнадзора, которая прибывала на предприятие завтра. Получается, вместе с ней, на одном самолете.

Анна внимательно оглядела соседей по ложе. Вроде бы никого из тех, кого она знала из ведомства, рядом не было. Впрочем, чиновники редко летают бизнес—классом в наше время, даже те, у кого статус позволяет.

Решение было элементарным: согласно технической документации производителя мельниц, компании Metso, они должны были произвести несколько холостых пусков на разных этапах монтажа линии. О каждом таком пуске они отчитывались полагающимся порядком. И, разумеется, вели техническую съемку процесса. Не сложно представить, что пиарщики нашли в общей базе данных медиа—материалов съемки технического пуска и передали их журналистам, а те использовали его при монтаже сюжета. Если пиарщики

дорожат своим местом, и хотят сохранить работу – с журналистами они договорятся без проблем. Остается только устранить на месте все следы рабочего пуска – и порядок.

Теоретически, можно было бы обойтись парой звонков, и нужными инструкциями исполнителям – но шеф придавал этому активу очень большое значение. Значит, нужно было совершенно исключить вероятность любой случайности. Немного нудно, но совсем не страшно. В самом худшем случае им грозил штраф – прием не настолько большой, чтобы хоть как-то повлиять на финансовый результат проекта.

До начала посадки Анна успела принять душ и переодеться. Кабинка сияла чистотой, и ощутимо пахла хлором – видимо, у Саши действительно очень хорошие знакомые среди персонала: полную дезинфекцию провели буквально только что.

Уже на борту она, наконец, окончательно успокоилась, и позволила себе расслабиться. Салон был откровенно старым, мультимедийная система не работала, но кресло, которое забронировал ей Саша, было исправно, и легко превращалось в довольно просторную кровать. Перед взлетом она даже не стала отказываться от приветственного шампанского.

Полет проходил в северных широтах. Солнце, которое час назад скрылось за горизонтом на широте Москвы, снова медленно поднималось, окрашивая редкие облака в нежный розовый цвет. Было бы правильно лечь спать сразу после взлета – в конце концов, впереди был рабочий день, а ночное время сильно сокращалось из-за перелета с запада на восток. Но Анну почему-то не отпускало странное ощущение радостного предвкушения. Словно не на Колыму она летела по работе – а как минимум на Сейшелы в приятной компании.

Пытаясь разобраться со своими чувствами, она глядела в иллюминатор, на причудливые облака, застывший многочасовой рассвет, и темную громаду земли далеко внизу. Отпустив мысли на волю, она грезила наяву. Ей являлись странные видения: теплое голубое море, огромные корабли с полированными деревянными бортами, синь лесных озер, и свежесть водопадов... Так, незаметно, она все-же уснула – даже не разложив полностью кресло.

Колыма встречала синим небом, ярким солнцем и теплом. «Похоже, ужасы этих мест несколько преувеличены», – думала Анна, спускаясь по трапу. Предусмотрительный Саша, очевидно, перестарался с теплой одеждой в «тревожном чемоданчике», и теперь она испытывала легкое недовольство из-за того, что приходится тащить на себе лишнюю тяжесть.

Ее, конечно же, встречали: молодой совсем парень, лет двадцати—двадцати трех, спортивный, высокий и светловолосый. Он стоял, возвышаясь над толпой, и переминался с ноги на ногу, тревожно вглядываясь в поток прибывших пассажиров. Перед собой, как щит, он держал табличку с названием ее компании.

– Привет, – она подошла к парню, и, не дожидаясь ответных формальностей, протянула увесистую сумку.

Тот подхватил ношу, улыбнулся, и сказал:

– Доброе утро, Анна Александровна! С прибытием! Меня Артем зовут.

– Приятно, Артем, – ответила она, – ну, со мной, судя по всему, ты заочно уже познакомился. Какой у нас план?

– На вас забронирован люкс в «Сплаве», это наша корпоративная гостиница, – сказал он, и добавил после секундного размышления, – лучшая в городе, кстати!

– Когда инспекция приезжает? – Спросила Анна.

– Ожидаем завтра, – ответил Артем, ловко лавируя с сумкой в толпе, – но они могут

задержаться на день.

– Тогда давай сразу на объект.

– На ваше решение, – пожал плечами Артем, приподняв сумку, – но я бы рекомендовал хотя бы душ принять с дороги. Ехать часов восемь, дорога – грейдер, по пути никаких удобств.

– Ну хорошо, – легко сдалась Анна, – давай тогда в гостиницу. Мне нужно будет часа полтора.

За разговором они дошли до парковки. Артем предусмотрительно открыл перед Анной заднюю дверцу черного «Ленд—Крузера», но та не стала садиться.

– Я вперед сяду, – сказала она, сама открывая пассажирскую дверь, и забираясь в салон, – ты пока сумку в багажник положи.

Артем сделал удивленные глаза, но ничего не сказал.

– Включить кондиционер? – Предложил Артем после того, как завел двигатель.

– Не надо. Лучше окна откроем, если ты не против.

– Я только за! – Обрадовался Артем.

– У вас обычно так? – Анна провела рукой вокруг, имея ввиду погоду.

– Вы про пробки? – Уточнил Артем, – или про жару?

– У вас это пробками называется? – Анна с улыбкой посмотрела на дорогу; движение действительно было довольно плотным, но вполне рабочим.

– Вроде того, – улыбнулся Артем, – сейчас выходной объявили из-за жары. Чтобы народ хоть на солнышке погрелся. Вот все и ломанулись – кто куда. Но большей частью на побережье, конечно.

– Получается, ты в выходной работаешь?

– Да не привык я отдыхать! – Артем пожал плечами.

– Ты из юристов? Напомни фамилию, что-то не помню Артемов в штате.

– Не—е—е, – улыбнулся водитель, – я бригадир взрывников, на карьере работаю. В город заезжал, чтобы организовать доставку нового оборудования. У местных допуска нет. А ваши меня умоляли вас захватить. Я так понял, они накосячили сильно. Теперь боятся вас.

Артем снова улыбнулся.

От этой улыбки словно что-то шевельнулось у Анны в душе. Она прислушалась к себе в некотором удивлении. И правда: что-то с этим парнем было не так. Рядом с ним почему-то теплело на сердце. И это странное ощущение, как будто они всю жизнь были знакомы, и расстались только вчера...

«Что это со мной? – Она потерла руками щеки, – акклиматизация? Джет—лаг? Он же мальчишка совсем!»

– Похоже, мне давно следовало прилететь, – сказала она, стараясь глядеть прямо.

Магадан оказался чем-то похож на заштатный подмосковный городишко. Такие же дома в центре, рыночная площадь, обязательный парк. Разве что храм был раза в четыре больше, чем обычно бывает в таких городках. Белой громадой, он доминировал над всеми строениями, напоминая огромный айсберг в сером холодном море. Кстати, море из города было видно плохо: бухта Нагаева пряталась за довольно высокой сопкой, на которую взбиралась центральная улица, да и сама бухта – еще далеко не настоящее море.

Вообще, Анна давно заметила одну странность: во многих городах России, номинально считавшихся морскими, добраться до моря было не так уж и просто. В Питере Финским

заливом можно любоваться только из нескольких точек на Ваське, да из захламленного Приморского парка на отшибе. Если приехать в город туристом – можно весь день осматривать достопримечательности, любоваться Невой, но при этом не увидеть ни краешка Финского залива. Никаких облагороженных морских набережных и открытых солнечных променадов. В Мурманске – скудный вид на Кольский залив, который совсем не море. Во Владивостоке – настоящее море видно только из домов на Второй и Третьей речке, а из центра – только Золотой рог, да остров Русский. И вот, Магадан – очередное разочарование.

Что и говорить, если даже в Москве нормальные облагороженные длинные набережные на реке стали появляться только совсем недавно, по мере разгрузки промзон. И то, этот процесс идет не гладко, постоянно мешают какие-то темные тайны прошлого. Вроде радиоактивного могильника в Сабурово, который расположен прямо на берегу, за Коломенским.

Такое впечатление, что в России вообще не особо любят открытую воду, и незаметно, но настойчиво всеми силами стараются (или старались?) ограничить к ней доступ.

Пока Анна размышляла о морских городах и городских реках, они подъехали к гостинице – приземистому зданию в безвкусном голубоватом навесном фасаде, и с большими зеркальными окнами во входной группе, над которой висели выполненные каким-то архаическим шрифтом аляповато—золотые буквы: «Hotel Сплав».

Артем подъехал ко входу, поставил автомобиль на ручник, и вышел из салона, чтобы открыть Анне дверь, после чего достал из багажника ее сумку.

– Хотите, могу до номера отнести, – предложил он, – с портье тут туговато. Не привык народ к сервису.

– Справлюсь, – сказала Анна, забирая у него сумку, – давай через полчаса здесь же.

Артем кивнул, и вернулся в авто.

Когда он уехал, Анна почувствовало себя зябко. Как будто зашло яркое летнее солнце.

«Эй! Притормози! – Одернула она себя, – тебе что, неприятностей в жизни не хватало? Захотелось молодого любовника на Колыме? На потеху всему холдингу?» Подумав так, она неожиданно осознала, что вовсе не хочет близости с Артемом. Ее внезапное чувство к нему имело совершенно иную природу. Вот только какую именно она никак не могла понять.

– Палатка, – сказала Анна, – какое странное название для поселка.

– Ничего странного, на самом деле, – Артем пожал плечами, – территорию-то осваивали геологи. Стояла здесь поисковая партия, или опорный лагерь, в реальной палатке. Вот название и закрепилось.

– Геологи, говоришь? – Усмехнулась Анна, – а все считают, что зеки.

– Ну не без этого, конечно, – кивнул Артем, – но жизнь сложнее, на самом деле.

Анну обычно раздражала речь других людей, сильно замусоренная словами и фразами—паразитами, но вот это его «на самом деле» она почему-то находила милым; как будто он подсознательно все время пытается докопаться до истины.

– За Палаткой мы поворачиваем налево, и уходим с Якутской трассы. Асфальта дальше не будет.

– Это плохо?

– Да не то, чтобы. Главное, чтобы дождя не было, а то размывает. По прогнозу обещали на ночь ливень. Но, я надеюсь, успеем проскочить.

– Если мы застрянем – комиссия тоже застрянет, верно?

– Надеюсь, – Артем пожал плечами, – на самом деле, они в прошлый раз прилетали на вертолете с губернатором. Но в этот раз губернатор в Москве, а просто так разбазаривать региональный бюджет им никто не даст. Калибр не тот.

– А коммерческие вертолеты тут есть? – Заинтересовалась Анна.

– Ага, – кивнул Артем, – но они сейчас на консервации в Якутске. Так-то обычно они летом шейхов обслуживают.

– Шейхи – это какие-то местные старательские боссы? – Уточнила Анна.

– Неа, – осклабился Артем, – самые настоящие шейхи. Они сюда на джетах прилетают, на природу посмотреть, да поохотиться иногда. Налаженный бизнес. Но в этом году облом по всем фронтам. Ковидла эта многим подгадила, на самом деле.

Анна замолчала, переваривая информацию. А ведь логично получается. На Аравийском полуострове явный переизбыток тепла и солнца – куда же еще ехать отдыхать, как не туда, где можно как следует охладиться? Да и природа тут – снимай с руки, да ставь на обои. Очень красиво. Первобытный рельеф, сопки, поросшие сосняком. Кристальные реки, головокружительные обрывы да невероятно свежий воздух.

Помолчали. Увидев, что Анна ушла куда-то в свои мысли, Артем сосредоточился на дороге. Очень ценное качество для попутчика.

– Давно ты здесь работаешь? – Наконец, она прервала молчание.

– Скоро год как, – ответил Артем, не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги.

– Тяжело?

– Да не то, чтобы, – он пожал плечами, – на самом деле, сложно было первые два месяца. Потом как-то адаптировался. Тут совсем не так плохо, как кажется издалека. Холод только достает, но даже к нему как-то можно приноровиться.

– А сам ты откуда?

– Новороссийск, – Артем тепло улыбнулся, – хороший город, хоть зимой и бывает ветрено.

– Как же тебя во взрывотехники-то занесло?

– Да я вообще хотел в мореходку поступать. Меня всегда тянуло к воде. Хотя, не удивительно, на самом деле. Когда растешь среди этого всего. Но батяня был резко против. Честно – не знаю, почему. Он никак это не мог объяснить и обосновать логически.

Артем вздохнул – глубоко, с подлинной грустью, так, что у Анны даже сердце защемило.

– Вот я и не стал куда-то поступать, в пику ему, – продолжал он, – вместо этого пошел в армию. Хотел на флот распределиться, но не срослось. Ребята говорят, что батяня даже по военкоматам бегал, хлопотал, чтобы этого не случилось. А! – Артем махнул рукой, – Бог ему судья.

– Вы не в ладах с ним? – Позволила себе уточнить Анна, – а мама твоя как отнеслась к этому? Она тоже была против мореходки?

Почему-то этот вопрос про маму был для нее важным. Она заранее чувствовала что-то вроде ревности к этой совершенно чужой ей женщине, и заранее злилась на нее – за то, что та плохо выполняла материнские обязанности. Эти эмоции были абсолютно иррациональными; они даже пугали Анну, ведь она привыкла себя контролировать во всем.

– Хотел бы я это знать, – грустно вздохнул Артем, – мне кажется, будь она рядом – отец бы не так упорствовал. Она умерла родами. Странно, да, что в наше время такое происходит?

– Прости, пожалуйста. Я не хотела. Мне очень жаль, – пробормотала Анна; ей действительно было жаль парня, но при этом она почему-то радовалась, что у него нет

матери. Это было... гнусно, пожалуй. И неожиданно. Совершенно не похоже на нее.

– Да в порядке все, – он кивнул, и попытался улыбнуться, – чего жалеть-то? Я вырос. Здоров. Работаю. Скоро сам о семье буду думать. Чего жалеть-то, а?

Снова помолчали. Серая лента дороги бесконечной грустной рекой бежала среди крутых сопок. Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая камни фальшивым золотом.

– Анна Александровна, – в этот раз Артем первым прервал молчание, – тут скоро кафе будет. Ничего особенного – просто пирожки, да горячий чай. Но оно единственное на дороге. Остановимся ноги размять?

– Кафе? Да, конечно! Ноги размять точно пора! – Кивнула она.

Кафе представляло собой утепленный вагончик. Перед ним, во дворе стоял небольшой мангал, рядом – гора колотых дров. У мангала суетился какой-то мужик в телогрейке, разводя огонь.

В вагончике вкусно пахло жареными пирожками. Их встретила дородная буфетчица в засаленном переднике. Умудрившись одновременно нахмуриться и улыбнуться, она сказала:

– Можете снаружи разместиться, внутри только в масках. Есть свежие пирожки с яйцом и луком, и с картошкой. Шашлык будет минут через сорок – мы ждали вахтовую, а она раньше, чем через час не покажется.

– Нам пирожки, пожалуйста, – ответила Анна, улыбнувшись.

– Скока? – Кивнула буфетчица.

– Давайте по два каждого.

Артем одобрительно улыбнулся.

– Пить будете чего?

– Кофе есть? – Спросила Анна.

– Растворяшка. Двадцать рублей. Могу с молоком сделать.

– Можно без молока.

Они разместились у вагончика, за пластиковым столиком, кое-как прикрытым бумажной скатертью. Пирожки принесли сразу, кофе пришлось немного подождать – пока воду не вскипятит старинный пластиковый чайник.

– Странно, что комаров тут нет, – сказала Анна, пробуя на вкус пирожок. Тот оказался вполне приличным.

– Это да, – улыбнулся Артем, – тут гораздо лучше, чем южнее, в Сибири! Мошка тут почти не живет, факт. Вымерзает за зиму.

– Я была наслышана об ужасах мошки от старателей. Но, должно быть, они не из здешних краев были.

– Из Иркутска, наверное, – предположил Артем, – или из Забайкалья.

Их разговор неожиданно прервался шумом, и трехэтажным матом, который доносился из-за вагончика. Артем покраснел, и поднялся с места. «Пойду гляну, в чем дело», – сказал он. Анна последовала за ним.

За вагончиком оказалась площадка с большим мусорным контейнером. Возле площадки бесновалась (иного слова не подобрать) буфетчица, размахивая увесистой скалкой, и отчаянно ругаясь. Она подошла вплотную к контейнеру, и ударила скалкой по железному борту. Над краем показалась мохнатая голова, и что-то недовольно прорычала. Последовало еще несколько ударов скалкой по металлу.

Анна оторопела; из контейнера вылезал огромный бурый медведь, все так же что-то

недовольно ворча себе под нос. Буфетчица, без малейшего признака страха, или хотя бы уважения, двинулась на него, поливая трехэтажным матом, и размахивая над головой скалкой. Медведь еще раз что-то недовольно пробормотал, потом отвернулся, и потрусил на сопку; его упитанные бока мерно колыхались.

– Не, ну вааще оборзели! – Прокомментировала буфетчица, успокаиваясь, – уже днем как к себе домой залазют! И охотиться на них запрещено! Расплодились – спасу нет!

Происшествие с медведем заставило Анну другими глазами глядеть на сопки, которые проносились мимо, по дороге. Суровый сосняк, и серые скалы перестали быть безжизненными.

– Медведей тут действительно полно, – прокомментировал Артем, – у нас в лагере даже есть специальный человек с ружьем, которое стреляет парализующими капсулами. Дежурит каждую ночь.

– Ясно, – кивнула Анна.

Тем временем сопки становились все выше, дорога забирала наверх. И вот путь превратился в довольно крутой серпантин, спускающийся вниз, в долину небольшой реки. В этом месте растительности почти не было – только серый дымчатый камень, да какие-то светлые, даже белые прослойки.

Анна хотела спросить водителя – что это за белый минерал, но тут вдруг впереди послышался странный шипящий звук. Как в замедленной съемке, она видела, как черная точка с гудением летит прямо на них, оставляя огненный след в сумеречном воздухе. Артем вскрикнул, и попытался отвернуть в сторону – но пространство для маневра было сильно ограничено. Он съехал боковыми колесами с дороги, и «Лэнд—Крузер» накренился, зацепившись днищем за склон. Этот маневр спас им жизнь. Снаряд угодил в склон – точно там, где оказалась бы машина через долю секунды, не вильни Артем в сторону. Бухнул взрыв, автомобиль сорвало со склона и перевернуло на крышу. Секунду поднималась пыль, потом порода на склоне пришла в движение – целый пласт как один, разом. Словно заколебавшись, огромная масса чуть подвинулась, замерла в нерешительности, а потом со звуком перекатывающихся камней и треском ринулась вниз, погребая под собой «Лэнд-Крузер», и его пассажиров.

Глава 4. Обходные пути

В помещении царил душный полумрак, на каменных стенах плясали тревожные отсветы земляных факелов. Возле стены, под перевернутой черной воронкой воздуховода, тлела углями жаровня.

Питер, глава Королевской службы охраны, был совершенно обнажен. Его мощное мускулистое тело блестело от пота. Руки и ноги были надежно зафиксированы кожаными петлями на странной деревянной конструкции, напоминающей хирургический стол. Возле него стояли двое в черных балахонах с клобуками, скрывавшими лица.

– Вы ведь знаете, почему мы вас полностью раздели, верно? – Спросила одна из фигур. Тень от клобука скрывала лицо – но голос был вполне узнаваем. Лаврентий, один из самых влиятельных придворных, и глава конкурирующей спецслужбы.

Питер промолчал, не удостоив говорившего даже взглядом.

– Безусловно, знаете, – продолжал Лаврентий, – видите ли, для любого человека, любая одежда – это броня, защита. Лишаясь одежды, вы ощущаете себя моллюском без раковины. Причем этот механизм работает вне зависимости от того, знаете ли вы о нем, или нет.

– По крайней мере, я все еще в своей шкуре, – неожиданно заговорил прикованный, – вы ведь знаете, чем традиционно карается измена в нашем королевстве?

– Те, кто изменил Алому Королю, остались безнаказанными, – ответил Лаврентий, – наша добрая королева нарушила эту традицию, и тем самым предала ее забвению. Так что, не извольте сомневаться – моя шкура останется при мне. А вот насчет вашей могут быть определенные сомнения.

– Но не беспокойтесь раньше времени, – вмешалась вторая фигура в балахоне; голос премьер—министра Грегора легко опознал бы любой подданный королевства, – мы же не варвары какие-нибудь.

– Ваши мучения, коллега, совсем ни к чему, – поддержал премьера Лаврентий, – но вы понимаете – в нашем положении мы без колебаний используем любые опции.

Питер молча усмехнулся, и закрыл глаза.

– Что ж, – сказал премьер, – честно сказать, мы не очень рассчитывали на то, что разговор что-то даст.

– Если бы вы думали головой – то не поставили бы весь ваш план в зависимость от разговорчивости главного охранника королевы, – сказал Питер ровным тоном, не открывая глаз.

– Наш план мы поставили в зависимость от здравого смысла. И совести, – ответил Лаврентий, – да, да, коллега, не усмехайтесь! Именно от здравого смысла и совести! Сами подумайте, что было бы, если бы вдруг по каким-то причинам мы бы так и не узнали, где королевская печать? В конце концов, коронация бы прошла с новым талисманом, после выборов и по закону, подписанному Королевой. Да, вероятно, это привело бы к гражданской войне. Многие честные подданные погибли бы. Разоренные селения, дети сироты... вы этого хотите?

– Ребят, вы предали свою королеву. Устроили переворот. Пытаете самых верных подданных. Но пытаетесь на меня переложить ответственность за то, что будет происходить, – Питер открыл глаза, и с иронией поглядел в темноту под клобуком – туда, где были скрыты глаза предателя, – знаете, наверное, маньяки – убийцы, когда остаются наедине

с собой, в темноте или перед смертью, тоже находят себе какие-то оправдания.

Фигуры в балахонах промолчали.

– Пригласите мастера! – Крикнул Лаврентий, обернувшись в сторону массивной деревянной двери, окованной ржавым железом.

Загремели цепи, заскрипел засов, дверь с протяжным стоном отворилась. В пыточную вошел худой высокий человек в белой хламиде. В руке у него было нечто вроде деревянного венчика. В широко распахнутых глазах человека метались отсветы огня в жаровне, тонкие губы были плотно сжаты. Он подошел и встал рядом с чиновниками в балахонах, разглядывая распластанного на «столе» Питера.

– Приступайте, – сухо бросил Грегор.

Мастер, не говоря ни слова, подошел к изголовью Питера, и водрузил конструкцию, напоминающую венчик, ему на затылок.

– Мы же говорили – мы не варвары, – в голосе Лаврентия слышалось неприкрытое ехидство, – сталкивались, наверное, уже? Новая технология. Прямое извлечение памяти. Тончайшая магия, на стыке некромантии и темпоральных исследований.

Во взгляде Питера появилась тревога. Какое-то время он следил за манипуляциями мастера, потом закрыл глаза. Мастер что-то забормотал; вокруг деревянного венчика появилось голубоватое сияние. Все мышцы в мощном теле охранника вдруг напряглись разом. Кожаные ремни подозрительно затрещали, заставив предателей переглянуться. Это продолжалось минуту, две. По тонкому лицу мастера покатился пот, он лихорадочно бормотал какие-то заклятия – но Питер оставался неподвижной блестящей статуей. Наконец, голубоватое сияние на венчике стало мигать и гаснуть.

– Что случилось? – Спросил Грегор раздраженно.

– Он... он сопротивляется! – Жалобно пропищал мастер.

– Как... сопротивляется? Разве это возможно? – Растерянно пробормотал Лаврентий, – мне докладывали, что технология не знает отказа!

– Она и не знает – если речь идет о людях. А этот, – он кивнул на по-прежнему напряженного и неподвижного Питера, – маг. Стихийный, судя по всему. Скорее всего, земляной.

– Маг? В ближайшем окружении королевы? – Удивился Грегор.

– Она сама – маг, если ты вдруг не в курсе, – прокомментировал Лаврентий, – что удивительного, что она лояльна к чародеям?

– Я в курсе, хотя это и государственная тайна с высшим приоритетом, – пробормотал Грегор, явно намекая на присутствие посторонних.

– То, что мы сейчас делаем – тайна куда более значительная, – ответил Лаврентий, – а нелицензионный и незарегистрированный маг в спецслужбе, пускай даже и в руководстве – дело обычное.

– Ладно, – согласился Грегор, – что делать-то будем, а?

– Наша технология тут не поможет, – пожал плечами мастер, – нужны доработки, на это уйдут месяцы.

– Надо пойти старинным путем, – сказал Лаврентий.

– Пытки? – Уточнил Грегор, вздохнув, – как же я хотел обойтись без этого дерьма!

– У всех есть свой болевой порог, – Лаврентий тоже вздохнул, – но это дерьмо все же лучше гражданской войны, верно?

– Мне он нравится, – неожиданно ответил премьер, – жаль, что придется так поступать.

– Что с ним сейчас? – Спросил Лаврентий у мастера.

– Он в лимбе, – тот пожал плечами, – обычно они попадают в это состояние после процедуры. Длится это от десяти минут до суток. Иногда заканчивается смертью. Если вы хотите его пытаться, нужно, чтобы он был в сознании. Так что придется подождать.

Анна пришла в себя оттого, что кто-то тормошил ее за плечо.

– Отстань, дай поспать, – пробормотала она, не открывая глаза. Но некто был очень настойчивым.

– Анна Александровна! – Повторял знакомый мужской голос, – Анна Александровна!

Она, наконец, открыла глаза, и окончательно пришла в сознание.

– Ну слава Богу! – Обрадовался Артем, и широко улыбнулся, – как вы? Старайтесь не шевелиться – надо проверить руки—ноги, убедиться, что нет переломов!

Анна лежала на крыше, внутри перевернутого салона «Ленд—Крузера». Свет шел от салонных плафонов, и неприятно бил в глаза. Над ней нависали кресла. В воздухе пахло бензином, пылью и холодом. А еще было неприятно душно. Она почувствовала, как чужие руки ощупывают ее ноги – от лодыжек до коленей.

– Эй! – Сказала она, и закашлялась, – Эй, что ты делаешь? – Наконец, смогла произнести она.

– Проверяю, что переломов нет, – ответил Артем, – кажется, все в порядке.

– Ты понял, что случилось? – Спросила она, – мы попали в аварию?

– В нас стреляли, – преувеличенно бодро ответил Артем, – гранатомет, или какая-то управляемая ракета.

– Давай выбираться отсюда, – сказала Анна, и снова закашлялась.

– С этим есть некоторые сложности, – осторожно сказал Артем, – я не знаю, насколько мы глубоко.

Анна еще раз огляделась, пытаясь осознать смысл сказанного. Перевернутая машина, темные окна, засыпанные какой-то породой, душный воздух... она никогда не страдала фобиями, но в тот момент почувствовала подкатывающую панику. Сердце пустилось галопом, воздуха вдруг стало так мало, что, казалось – секунда—другая, и она задохнется.

– Спокойно, – она почувствовала, как Артем сжимает ее ладонь, – важно контролировать дыхание.

Анна смогла взять себя в руки. Сделала глубокий вдох—выдох, и посмотрела спутнику в глаза.

– Шансы есть? – Спросила она будничным деловым тоном.

– Шансы всегда есть, – преувеличенно бодро ответил Артем, – но действовать надо быстро, воздуха у нас и правда очень мало. Скоро начнет ощущаться отравление углекислотой.

– Ты что-то придумал? – Уточнила Анна.

Странно, паника вроде отступила, но вместо нее в груди, в самом сердце, начало расти странное чувство, неожиданно приятное – как будто, несмотря ни на что, вот—вот должно произойти нечто очень хорошее. Ее неудержимо тянуло обнять Артема, успокоить его, дать надежду, найти выход из положения, в котором они оказались. Абсолютно иррационально – ведь это он сам только что помог ей справиться с паникой!

– Надо открыть или выбить окно, – ответил Артем, – выбрать грунт. На нас съехал пласт вечной мерзлоты, а сейчас, после двух дней такой погоды, он очень рыхлый. Есть шанс

пробиться навверх, если мы не очень глубоко.

– Связь проверял? – Спросила Анна, нащупывая смартфон; к сожалению, экран оказался безнадежно разбит.

– Ага, – кивнул Артем, – мой аппарат уцелел. Но тут поблизости нет вышек.

– Спутникового в машине не было?

– Не—а, – он покачал головой, – я оставлял заявку, но ее отклонили. Вышки есть на половине протяжения трассы, финансисты посчитали, что необходимости нет. Но нам не повезло.

– Ты хорошо держишься, – сказала Анна.

Артем неожиданно покраснел.

– Спасибо, вы тоже, – ответил он, смущенно отведя взгляд.

Это случилось внезапно. Анна этого мира пыталась переварить странную мысль, пришедшую ей в голову. «Я горжусь таким сыном», – подумала она. И в этот самый момент вернулась Королева. Сработала Магическая оговорка – она смогла опознать своего ребенка сердцем; и именно ее материнское сердце на минуту взяло под контроль рациональный разум, чтобы констатировать очевидное. Она нашла сына. Через десятки лет беспросветного отчаяния и черноты.

– Анна Александровна, – сказал Артем. Хотя теперь правильнее было бы называть его Артуром, – вы в порядке?

По ее щекам катились слезы.

– Арти, – пробормотала она, протянув вперед ладонь, и нежно погладив его по щеке.

Он не отстранился, но на его лице застыло выражение крайней растерянности.

– Прости, – она убрала руку, и вытерла слезы тыльной стороной ладони, – тебе будет очень сложно понять, пока не увидишь... Прости, – повторила она.

– Все в порядке, – ответил Артур.

– Скажи, пожалуйста – что ты помнишь из своего детства? – Спросила Анна, – тебе исполнялось три... что-то должно было остаться?

Выражение растерянности на лице Артура сменилось испугом.

– Откуда... – он хотел что-то спросить, но в этот момент послышался резкий треск; кузов автомобиля чуть дернулся, – мерзлота просела! Подтаивает! Нам надо спешить!

– Не бойся ничего, – ответила королева, – с этого момента, и до конца жизни тебе больше нечего бояться. Что бы ты сейчас ни увидел – помни, все идет так, как нужно. Хорошо?

Вместо ответа он кивнул.

Анна нащупала кольцо на безымянном пальце. За многие годы оно успело стать продолжением ее тела, она могла не вспоминать о нем годами – но эта сила была рядом, и просто ждала своего часа. Кольцо, совсем крошечное в детстве, росло вместе с ней.

Как действующий монарх она была вынуждена скрывать свою магическую природу. И только раз в несколько лет, когда Питер гарантированно обеспечивал ее абсолютную изоляцию, она практиковалась в магии родной стихии. На специальном отдаленном полигоне, за железными островами, куда даже гномьи драккары не доходили в лучшие времена.

Она прекрасно умела плавить лед и снег, и могла удерживать стены воды, высотой в десятки и даже сотни метров. Ледяная ловушка, куда угодил «Ленд—крузер» не была проблемой для нее даже в Костном Мире, где магия сильно слабела – благодаря кольцу,

древнейшему стихийному артефакту, дарованному ее миру Древними Богами. Это кольцо работало в любом из миров Мультивселенной.

Она чуть коснулась кольца, и подняла перед собой руки.

– Что вы собираетесь... – Начал было Артур, но осекся; кольцо засветилось. За окнами вдруг забурлило, заклокотало. Автомобиль тронулся с места: его нес грязный поток. Несколько секунд, и странная вздыбленная грязевая волна аккуратно, словно великан ладонью, перевернула автомобиль, и поставила его на колеса, продолжая толкать вперед. Машину обдало невесть откуда взявшимся чистым потоком воды, который смыл грязь с окон.

«Удивительно, что они уцелели, – мимоходом подумала Анна, – хотя, наверно, это из-за того, что мерзлота не дала сильно деформироваться кузову».

Машина стояла на своих колесах далеко впереди от обвала, на уцелевшем куске «грейдера». Ее мятый кузов влажно серебрился в свете ущербной Луны. Анна тронула кнопку, опускающую стекло двери со стороны пассажира, и то послушно поехало вниз. В салон ворвался свежий воздух, пахнувший рекой. Ничего более бодрящего она никогда в жизни не ощущала.

Питер не был в лимбе. Магический дознаватель предателей ошибся. Впрочем, он старался изо всех сил сыграть это пограничное состояние между жизнью и смертью. Нужно было напрячь все мускулы в теле, и удерживать их в таком состоянии несколько минут. Совсем не тривиальная задача – но он справился;годились годы тренировок, и занятий единоборствами, и совсем чуть—чуть – его сродство тотемной магии.

Мысленным взглядом он просканировал окружающее пространство. Наблюдающий устройств не было – ни обыкновенных, ни магических. Это объяснимо – мало кому захочется фиксировать свои преступления. А методы допроса, которые, без сомнения, практиковались в этом помещении, безусловно, были преступны – не только по внутренним законам, но и по международным конвенциям, которых Озерное Королевство старалось придерживаться.

Он с наслаждением позволил мышцам расслабиться. Не открывая глаза, он почувствовал, как начали шевелиться его волосы. Часть его прически словно обрела отдельную жизнь, и скользнула ему на лицо, сформировав непроницаемую черную маску.

Полости внутри тела – как естественные, так и искусственные, по понятным любому магу причинам, совершенно не подходят для магических имплантов. Довольно часто сотрудники спецслужб совершают распространенную ошибку, и пытаются укрыть их в ногтях или зубах. Поэтому ногти и зубы выдирают у пленников в первую очередь, если магические методы допроса терпят провал, как в его случае. Его пленители, безусловно, ногтями и зубами бы не ограничились. Учитывая, что оставлять его в живых никто не планировал – наверняка следующим в списке стояло бы что-нибудь унижительное, вроде кастрации.

Питер невольно вздрогнул, разглядывая сверкающие хирургические инструменты рядом с тлеющей жаровней. Тем временем, еще один локон из его шевелюры отправился в путешествие – до правого предплечья, на плечо и прямо в ладонь. Мгновение – и на руку словно надели черную перчатку. Он слегка пошевелил кистью, и кожаные путы опали серым пеплом.

Освободившись, Питер еще раз огляделся. Черная маска позволяла видеть сквозь стены и в полной темноте, делая стены замкового подземелья хрустально прозрачными. В сторожке у входа в пыточную – несколько «тяжелых» Лаврентия (так называли в его ведомстве

боевиков силовой поддержки). Не страшно, они его даже не заметят. А вот этажом выше – комната провидцев. На дежурстве двое, и один из них, более молодой, уже вглядывается тревожно в хрустальный шар, который уловил мельчайшее мерцание магии, когда он активировал имплант, и уничтожил пути. Рядом с провидцами покои боевых магов. Их целая дюжина! Ай да Грегор, ай да молодец – не пожалел ресурсов!

Плохо. Времени на раскачку совсем нет. До последнего момента Питер колебался: отправиться за Королевой, или попытаться подавить мятеж своими силами, активировав собственную «спящую» сеть внутри страны, само существование которой тоже было на самой грани государственной измены. Но теперь выбора не осталось. Против двенадцати боевых магов весь его арсенал, спрятанный в волосах, не более чем детская хлопушка. Он даже за замковую территорию не сможет вырваться.

Совсем другое дело – портал в иной мир. Жаровня давала достаточно огня, чтобы его питать, хотя бы на одно мгновение. А больше ему и не надо. Самая сложная часть в построении стихийного портала – это прицеливание. Но и здесь ему повезло: очень давно он с согласия Анны считал сигнатуру древнего артефакта на ее руке, стихийного кольца. Нитка пера из хвоста дракона содержала с избытком магический заряд для любого портала, и прицелить его к мощнейшему артефакту стихии—антагониста не оставило никакого труда. Конечно, Питер не был чистым огненным магом, иначе им с Анной пришлось бы тяжело. Но так уж получилось, что тотемный покровитель Питера, Дракон, принадлежал стихии огня. Поэтому Питер мог использовать огненные порталы; мягкие пути воды, которыми Анна попадала в Костный Миры, были ему неподвластны. Что, наверно, было и к лучшему: ни грамма влаги в подземелье не было. Будь он водным магом – пути к отступлению бы не было.

Юный провидец наверху начал поднимать руку, чтобы подать сигнал тревоги. Питер вскочил с ложа, сотворив правой рукой Руну Перехода, и, накачивая ее энергией драконьей нити, обратился к жаровне. Портал вспыхнул ярчайшей точкой, и медленно растекся огненной кляксой на каменной стене. Вся дюжина боевых магов наверху мгновенно оказалась на ногах. Один даже успел пробить ледяным посохом дыру в каменных перекрытиях, но промахнулся. Питер прыгнул – и перенесся в другой мир.

– Что ты делаешь? – Спросила Анна, указывая на правую руку Артура.

– Хочу попробовать завести, – ответил он, – есть шанс, что машина на ходу.

– Не стоит, – Анна покачала головой, – и фары не вздумай включать. По нам стреляли, помнишь?

– Что же теперь делать? – Артур пожал плечами, – нам надо как-то до жилья добираться! Не пешком же! Тут опасно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5gw>